

Савицкий Владимир Михайлович,
доктор филологических наук, профессор,
Самарский государственный социально-
педагогический университет, г. Самара
Savitsky Vladimir Mikhailovich,
Samara State University of Social Sciences
and Education, Samara

КУЛЬТУРНЫЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ

Аннотация. В статье рассмотрено соотношение понятий “код”, “культурный код”, “лингвокультурный код”. Показано: код – это система знаков, выступающая в определенных функциях; культурный код – это образная система культуры в ее семиотическом аспекте; лингвокультурный код – это культурный код, который получил воплощение в естественной языковой субстанции.

Abstract. The article contains analysis of the correlation between the concepts of code, cultural code, linguocultural code. The author shows that code is a system of signs performing certain functions; cultural code is culture’s imagery system in its semiotic aspect; linguocultural code is a cultural code embodied in natural language substance.

Ключевые слова: этнокультура, культурный код, лингвокультурный код, вербальный язык, образная система культуры

Keywords: ethnic culture, cultural code, linguocultural code, verbal language, the imagery system of culture

Как известно, словесный язык представляет собой главную (первичную) семиотическую систему, которая образует «костяк» культуры. Всякая культура – многокодовая система знаков, однако в процессе выполнения мыслительной и

коммуникативной функций вербальный язык имеет преимущества перед иными кодами, обусловленные универсализмом, гибкостью, стабильностью вербального языка, его способностью к постоянному совершенствованию и наличием богатого арсенала экспрессивно-изобразительных средств. Всё это способствует быстрой и эффективности переработки информации при использовании вербального языка.

Параллельно с ним и во взаимодействии с ним применяются разнообразные несловесные коды, имеющие образную природу. Ю.М. Лотман [5] именовал их культурными кодами. В их число входят различные системы образов, которые выполняют символическую и аллегорическую функции.

В этой связи в одной из наших работ отмечалось: «... каждая этнокультура в одной из своих ипостасей представляет собой сложную семиотическую систему ... Одной из ее подсистем является обширная парадигма образов, выполняющая знаковую функцию в процессе общения. В нее входят ... образы, почерпнутые из хозяйственной практики, ритуалов, игр, расхожих житейских представлений, поверий, фольклора, мифологии, религии, литературы и т.д. Образные знаки, извлеченные из текстов культуры (как вербальных, так и невербальных), со временем могут отрываться от них, обретать относительную самостоятельность и в свою очередь способствовать созданию новых текстов культуры. В основе образов лежат реалии действительности. Под реалией здесь понимается предмет, свойство, действие, процесс, событие, ситуация, непосредственно относящиеся к данной культуре либо так или иначе вовлеченные в предметно-практическую и / или духовную деятельность человека» [7, с. 117].

Сенсорный образ, будучи элементом первой сигнальной системы (единицей чувственного восприятия) обретает ряд черт знака (по И.П. Павлову, единицы второй сигнальной системы) вследствие того, что он становится «не равен себе». В такого рода случаях, по выражению А.Ф. Лосева, образ «переходит в область инобытия» и начинает выполнять выразительную и изобразительную функции.

Образный культурный код представляет собой систему кодифицированных образов, которые конституируют этнокультуру, устоялись в коммуникативной практике и служат символами тех или других явлений мира. Как упоминалось, такие культурные подсистемы в рамках концепции Тартуско-московской школы семиотики именуется культурными кодами [5].

Функцию культурного кода способна выполнять мысленная картина всякой сенсорно воспринимаемой области действительности: ландшафта, природных феноменов, животного и растительного мира, орудий труда, одежды, жилища, хозяйственной утвари, оружия и т.п., и того, что происходит с ними. Всё это – «языки» мышления и общения.

Семантика и прагматика всякого подобного кода – это не что иное как набор образов, облеченных символическим смыслом, а его синтактика – это фрейм, общая схема, согласно которой образы слагаются в единую «картину». Следует оговориться: сценическая аналогия порой бывает предпочтительнее живописной. Можно вести речь не только о представляющихся мысленному взору «картинах» (статических фреймах), но и об «актах сценария» (динамического фреймах).

Выступая как «ядро» этнокультуры, словесный этноязык аккумулирует в себе знаки невербальных культурных кодов. Имеет место вливание культурных кодов в словесный язык. Образы как знаки культурного кода переносятся на другую субстанцию плана выражения и переходят из натуральной в вербальную форму существования. Несловесные культурные коды, облекаясь в вербальную форму, превращаются в словесно-культурные (лингвокультурные) коды, которые применяются в вербальной коммуникации наряду с социо семиотическими кодами.

Таким образом, код – это система знаков, выступающая в ряде функций; культурный код – это образная система культуры в ее семиотическом аспекте; лингвокультурный код – это культурный код, который получил воплощение в естественноречевой субстанции.

Лингвокультурные коды характеризуются наличием этноспецифики. Всякий представитель этнолингвокультуры с молодых ногтей впитывает коды «с молоком матери» наряду с родным словесным языком. Они особенно широко применяются в фольклоре и художественной литературе, в первую очередь в поэзии.

Поэтический текст сочиняется на основе не только словесного языка, но и того или иного образного кода / кодов. Так, немалая часть русской лирики XIX века создана на базе образного кода «Среднерусская природа», содержащего философию жизни и передающего патриотические, ностальгические, любовные чувства. Олицетворенная природа общается с людьми, и те понимают ее посыл: «Он детским **вещаньям** природы **внимал** // ... **Язык** для него обретала она ... // Ручья **разумел лепетанье** ... // Была ему звездная **книга ясна** // И с ним **говорила** морская волна» (Е. Баратынский). «О чем ты **воешь**, ветер ночной, // Понятным сердцу **языком?**» (Ф. Тютчев). «Не то, что мните вы, природа – // Не слепок, не бездушный лик: // В ней есть душа, в ней есть свобода, // В ней есть любовь, в ней есть **язык**» (Ф. Тютчев).

По Тютчеву, «в ней есть язык». Но можно сказать и так: «Она есть язык». Как верно отметил О. Ханзен-Лёве, «у Тютчева ... природа всегда ... язык: язык внутреннего мира, бессознательного, ... изначального» [8, с. 268]. Впрочем, поэты ощущали знаковость не только природы, но и творений человеческих рук: «... храм упал, и руин его, потомок // **Языка** не разгадал» (Е. Баратынский).

Реципиент может понять стихотворение достаточно глубоко лишь тогда, когда он знает не только словесный язык, но и тот культурный код, который применен поэтом. Так, например, Г. Лонгфелло в своей поэме «Песнь о Гайавате» оперирует элементами лингвокультурных кодов «Ландшафт» и «Времена года», специфичных для природы и культуры центральных районов Северной Америки и – шире – средней полосы Северного полушария. Представителям русской лингвокультуры «что-то слышится родное» в описаниях природы, созданных американским поэтом: ведь мы живем

примерно в том же географическом поясе и природной зоне. Не случайно И. Бунин, тонкий знаток и певец русской природы, с любовью посвятил годы переводу этой поэмы.

Но это произведение едва ли глубоко осмысливается и принимается душой обитателями иных географических поясов (заполярья, тропиков и т.д.), даже если они знают английский язык и могут читать эти стихи.

Представители одной и той же этнокультуры зачастую легко достигают взаимопонимания по той причине, что в основе общения лежит не только общий вербальный, но и общий культурный код. Так, носители русской лингвокультуры глубоко понимают стихи наших классиков о природе, потому что эта природа близка им с детства. Но, по Е.М. Верещагину и В.Г. Костомарову [1], африканские студенты Университета русского языка им. Пушкина смутно понимали русскую стихотворную лирику, посвященную природе, пока не проникли более глубоко в русский духовный мир. Это свидетельствует о том, что наряду с иноязыковой компетенцией им требовалось обрести инокультурную компетенцию.

В динамическом аспекте культура предстает как совокупность образцов (программ) предметно-практического и интеллектуально-духовного поведения людей, формирующаяся в процессе социально-исторического развития народа. Упомянутые схемы, регулирующие поведение людей как разумных существ и членов общества, могут рассматриваться как система правил. Эти правила не носят биологически наследуемого характера; они передаются в поколениях путем освоения через подражание и научение. По аналогии с бионаследственностью можно говорить о культурном наследии, в рамках которого отдельные программы поведения могут рассматриваться как своего рода «культурные гены». Подобно биологическим генам, образующим генетический код, системы «культурных генов» образуют культурные коды.

Не случайно в английском языке слово *code* означает не только “код” (знаковая система), но и “кодекс / программа” (свод правил). Код и кодекс неразделимы. Всякий код есть средство, с помощью которого программируется

(социально кодифицируется) человеческое поведение. Личность, по К. Марксу, есть совокупность общественных отношений. Эти отношения закодированы в культуре и составляют ядро личности как семиотического феномена.

Программы (коды) внешнего (предметно-практического) и внутреннего (ментального) поведения бытуют в социуме в семиотической форме (в виде систем социального символизма, культурного этикета и многих других), в том числе в вербальной форме (в виде всякого рода вербальных предписаний, заветов, поучений, заповедей, моральных и юридических законов, паремий и т.п.). Сам словесный язык с этих позиций предстает как мегапрограмма, которая регулирует предметно-практическую и духовную деятельность людей посредством мифов, культов, религии, идеологии, морали, законодательства, воспитания, образования, пиара, пропаганды, рекламы и т.п.

Семиотический подход позволяет охарактеризовать культуру и язык с помощью общей системы понятий. Под этим углом зрения вербальный язык предстает как главная, основополагающая знаковая система культуры, над которой надстраиваются все семиотические системы данной этнокультуры в роли ее дополнительных средств. На основе вышеупомянутого представления о культуре, ученые Тартуско-московской семиотической школы дали культурным кодам наименование *вторичные моделирующие системы* [4].

Вербальные и невербальные коды непрестанно взаимодействуют: имеет место проникновение культурных кодов в словесный язык (прежде всего в сфере фразеологии и образной лексики), а кроме того, обратное влияние этноязыка на этнокультуру в соответствии с гипотезой лингвистической относительности. Как верно отметил К.А. Долинин [2], очень многие, а возможно, и большинство граней человеческого бытия имеют семиотический аспект. Это согласуется с тезисом Ю.М. Лотмана: в человеческом социуме нет ничего, находящегося вне культуры [4]. Говорят о культуре одежды, труда, жилища, питания, быта, тела и т.п., а где культура, там и знаковая деятельность. Стиль одежды, марка автомобиля, дизайн помещения, характер питания и т.д. и т.п. – всё имеет знаковый аспект.

Что значит осмысливать мир? Это значит придавать человеческий смысл миру в целом и его отдельным предметам и явлениям. Но предмет или явление, имеющее смысл, есть знак. В этой связи весьма кстати оказываются строки: «Все явления – знаки, по которым // Ты вспоминаешь самого себя» (М. Волошин).

По К. Марксу [6], предметы обладают, с одной стороны, натуральной, а с другой – социальной формой существования, и эти формы срастаются друг с другом в ходе общественного и культурного развития. В частности, в орудиях труда представлено их социальное бытие (функционирование, назначение), что дает им возможность символически выражать отношение людей к природе и обществу. Они становятся символами. Человеческий смысл предмета – это его социокультурное символическое инобытие. Символ порой выходит за первичные тематические рамки и символически выражает «любые области инобытия, в том числе также безграничные области» [3, с. 447]. Совокупности символов образуют культурные коды.

В области духовного производства, транспонируясь из материальной формы бытия в идеальную, получая образную природу, в функции культурного кода может использоваться практически любая сенсорно воспринимаемая сфера реальности: космические объекты, природные феномены, животные, растения, человеческий организм, хозяйственная утварь, жилище, орудия труда, оружие и др. Образная система «становится как бы всеобщим языком» (выражение С.М. Шалютина [9, с. 67]), претендуя на охват всего универсума. Собственная логика всякой образной сферы и ее отношения с иными сферами определяют характер ее символического содержания. Так, Ю.М. Лотман писал: «Символика времени года – одна из наиболее общих и многообразных в смысловом отношении. Связанная с философией природы идеей цикличности, символикой крестьянского труда, она является удобным языком для выражения самых общих метафизических понятий ... являясь по сути дела одним из универсальных культурных кодов» [5, с. 394].

Итак, выше мы рассмотрели соотношение понятий “код”, “культурный код”, “лингвокультурный код” и обосновали целесообразность их применения в трудах по лингвосомиотике культуры.

Список литературы:

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Direct Media, 2015. 509 с.
2. Долинин К.А. Стилистика французского языка. М.: URSS. 2021. 304 с.
3. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: изд-во МГУ, 1982. 480 с.
4. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 10-257.
5. Лотман Ю.М. Две «Осени» // Ю.М. Лотман. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство – СПб, 1996. С. 511-521.
6. Маркс К. К критике политической экономии. М.: URSS, 2019. 176 с.
7. Савицкий В.М. Английская фразеология: проблема моделирования. Самара: изд-во «Самарский университет», 1993. 172 с.
8. Ханзен-Лёве О. Русский символизм. Система поэтических мотивов. СПб.: Академический проект, 2003. 816 с.
9. Шалютин С.М. Искусственный интеллект. Гносеологический аспект. М.: Мысль, 1985. 198 с.

